

Источник: Вечерняя Москва
Дата выпуска: 01.01.2010
Заглавие: Я навсегда москвич
Автор: М. Раевская

Столица в жизни и творчестве Чехова

Ровно 150 лет назад в Таганроге родился мальчик, крещенный Антоном Павловым сыном Чеховым. Как и многие выходцы из провинции, он потом оказался страстным поклонником Первопрестольной. Ему принадлежит, наверное, самая известная реплика о столице: "В Москву! В Москву!" А вот конкретных мест, описанных им, мы почему-то не помним. Чехов в массовом сознании ассоциируется с чем-то дачно-курортно-провинциальным: вишневый сад, ялтинская набережная, драма на охоте, чудаковатые земские доктора, погоня за налимом в грязном пруду, незадачливый мужичок, ворующий гайки... Что же написал Чехов о Москве? И что помнит Москва о нем?

От Трубы до Новодевичьего

"Я ужасно полюбил Москву. Кто привыкнет к ней, тот не уедет из нее. Я навсегда москвич", - писал студент Чехов другу в 1881 г. Насчет "навсегда" юноша погорячился - кто ж знал, что чахотка погонит его на юг? Из 44 лет жизни писатель провел в Москве чуть больше 13.

Многие "чеховские места" до наших дней не сохранились. Нет уже трущоб, в которых ютился таганрогский студент в первые годы жизни в Первопрестольной. В 1876 г. его отец, разорившийся купец, был вынужден бежать в Москву вместе с семьей. Антон остался дома - надо было окончить гимназию. Чеховы бедствовали, им пришлось кочевать из одного дешевого и сырого угла в другой. Искать квартиры застенчивым провинциалам было непросто. Мать писателя Евгения Яковлевна боялась даже заходить в незнакомые московские дворы - ее пугали собаки, и на разведку она отправляла маленькую дочку Машу, та была побойчее... Весной 1877 г. Антон впервые приехал к ним в гости - они жили в Даевом переулке, 29, в трех комнатках в старом деревянном флигеле. А когда через 2 года Чехов окончательно переехал в Москву, то застал их в доме N 36 на Трубной, в подвальном этаже, где, как вспоминал брат писателя Михаил, из окон "виднелись одни только пятки прохожих". Район в просторечии назывался "Грачевкой".

Там Антошу нашел первый успех. 13 января 1880 г. петербургский журнал "Стрекоза" одобрил его рассказ "Письмо к ученому соседу" и написал в рубрике "Почтовый ящик", где рецензировал присланные опусы: "Москва, Грачевка, г. А. Че-ву. Совсем недурно. Присланное поместим". А ведь на другие его рассказы он отзывался так: "Грачевка, 3. Ан. Ч-ву. Несколько острот не искупают непроходимо пустого словотолчения". "Сретенка, г. А. Ч. Очень длинно и бесцветно... вроде... бумажной ленты, китайцем изо рта вытянутой" (на Сретенке, в Малом Головиной переулке, 3, Чеховы жили с 1881 по 1885 г.). И у классиков дебюты не проходят гладко!

Не сохранились и дома NN 50 и 45 на Большой Якиманке, куда Чеховы переехали в 1885 г. Там тоже было сыро (в доме N 50 Антон впервые начал кашлять кровью), по соседству жил кухмистер, сдававший помещение под купеческие свадьбы и поминки. Надо было подыскивать что-то получше и поближе к центру. В августе 1886-го Мария и Михаил Чеховы вернулись с дачи. Увидели в окнах двухэтажного дома N 6 на Садово-Кудринской белые объявления: сдается. За аренду "комода", как Чеховы прозвали особнячок, надо было платить 650 рублей в год. Для 26-летнего писателя это было непросто, однако дело того стоило. Улица была широкая, малолюдная, летом зелень садов красиво оттеняла "либеральный, то есть красный", как шутил Антон Павлович, цвет особняка. В 1954 г. здесь открыли мемориальный музей писателя.

В 1890 г. Чеховы перебрались на Малую Дмитровку, 29. "Улица хорошая, дом особенячок, в два этажа", - писал Антон Павлович в письме. Там он пробыл до февраля 1892 г. и с тех пор уже не жил в Москве постоянно, а только приезжал (в том числе на репетиции Художественного театра), останавливаясь в "Большой Московской гостинице" на Воскресенской площади (не сохранилась) или у друзей. 7 лет он провел в подмосковном Мелихове, потом были Ялта, немецкий курорт Баденвейлер, бокал шампанского, "ихь штербе"... Через неделю после смерти свинцовый гроб прибыл на Николаевский (Ленинградский) вокзал. Процессия останавливалась у Тургеневской читальни (между Уланским переулком и Мясницкой), потом у Московского Художественного театра - и еще несколько раз, пока не дошла до Новодевичьего кладбища. Интересно, что большинство героев Чехова находили последний приют на Ваганькове.

"Среди милых москвичей"

"С самого рождения я живу в Москве, но ей-богу не знаю (...) зачем она, к чему... что ей нужно", - иронизировал Чехов от лица равнодушного зануды в фельетоне "В Москве". Сам-то он смотрел на Первопрестольную "остраненным" взглядом провинциала. В 1883-1885 гг. он опубликовал в петербургском журнале "Осколки" серию корреспонденции "Осколки московской жизни", а потом и московский журнал "Будильник" заинтересовался, как чувствует себя молодой таганрожец "среди милых москвичей": так назывался цикл фельетонов, которые осенью 1885 г. Чехов там напечатал.

Кое в чем Москва могла дать фору чеховской родине. В южных городах весной "грязь по колено... бурая, вязкая, вонючая", в ней "оставляешь... не только калоши, но и сапоги", а "в матушке Москве, надо отдать справедливость, сапог в грязи не оставишь (...) С калошами можно распрощаться... только (...) на углу Кузнецкого и Петровки, на Трубе и почти на всех площадях" ("Встреча весны", 1882).

Но до чего же огромная эта Москва, особенно если нет денег даже на самого дешевого "ваньку"-извозчика! (Хотя сейчас смешно читать: город-то лежал в кольце Садовых, а Сокольники, Бутово, Кузьминки - уже дачные окрестности.) Трепет перед московскими расстояниями сохранился у Чехова на долгие годы. "Шел я с Мещанской на Пресню - дистанция для выпившего почтенная... " - уточняет гробовщик Иван Иванович ("Ночь на кладбище", 1886). Даже тем, у кого есть деньги, несладко: помотайся-ка с новогодними "визитами" с Зубовского бульвара в Лефортово, оттуда в Хамовники, потом к Крестовской заставе, в Сокольники... А дома супруга будет пилить, что проездил пять рублей восемь гривен... ("Новогодняя пытка", 1887). Только в состоянии аффекта можно на одном дыхании проделать такой путь: "по Садовой до Сухаревой башни, потом до Красных ворот, отсюда... на Басманную", потом до Разгуляя, по мосту через Язу... Это мечется студент Васильев, потрясенный тем, что увидел в публичном доме ("Припадок", 1888). Дом этот был в "С-вом переулке" - это Соболев (Большой Головин), на Трубной. Эти "два ряда домов с ярко освещенными окнами и раскрытыми настежь дверями" давно снесены. Герой Чехова бы порадовался. Он ведь думал, корчась от шока: "И как может снег падать в этот переулок! "

"Зеленый" классик

В тех местах торговали и "живым товаром" иного рода. В рассказе "В Москве на Трубной площади" (1883) Чехов с трудом скрывает брезгливое отношение к продавцам местного "птичьего рынка". Нынешние "зеленые" нашли бы в лице Антона Павловича единомышленника: его явно раздражали любые развлечения с "братьями нашими меньшими". Зоосад на Пресне он называет не иначе как "кладбищем животных": "Воняет, животныедохнут с голода", а дирекция хладнокровно записывает: "двое, ухватившись за рога оленя, пытались повиснуть на них", "господин в собольей шубе бодался с козлом через перегородку" ("Фокусники", 1891). А уж травля волков на Ходынском поле (что-то вроде корриды, когда на

привезенных в ящиках хищников спускали обученных борзых) заставила Чехова воскликнуть: "Говорят, что теперь девятнадцатое столетие! Не верьте, читатель! (...) Не шутя, осрамился человек перед волками (...)! Другое дело - охота в степи, в лесу, где (...) волк может защищаться, бежать..." ("На волчьей садке", 1882). Даже невинный цирк Чехову не по душе: "Вниманию психиатров. В Москве водится некий Анатолий Дуров (...) Нынешним летом он (...) дрессировал гуся (...) Интересно бы знать, какой физиологический процесс имел место в мозгах Дурова и гуся, когда первый целое лето надоедал второму, а второй с недоумением глядел в глаза первого, словно вопрошая: "Что с вами, молодой человек? !" ("Осколки московской жизни", 1884).

"Хмурые люди"

Много что возмущало Чехова в Москве. Тут и проседающие мостовые, и пошлые свадьбы с генералами, и низкопробные театры, и коррупция гробовщиков, и издевательство над "мальчиками" в лавках. Купцы внушали писателю отвращение еще с детства, когда отец заставлял его часами дежурить в выстуженной (чтобы товар не портился!) лавке. В Москве отец писателя стал служить в Теплых рядах на Ильинке, 3, - отапливаемые магазины были роскошью по тем временам. В повести "Три года" (1895) (самом "московском" произведении Чехова) описан этот "торговый центр" XIX в. : "Вход в амбар был со двора, где всегда было сумрачно, пахло рогожами и стучали копытами по асфальту ломовые лошади. Дверь (...) обитая железом, вела со двора в комнату с побуревшими от сырости стенами". Лаптев, сын хозяина, взрослый мужчина, не мог забыть, как с ним здесь обращались: "Достаточно ему было пробыть в амбаре минут пять, как ему начало казаться, что его сейчас обругают или ударят по носу".

Одни фельетоны ничем не удивят современных москвичей, привыкших читать про рейды Роспотребнадзора. Санитары обнаружили, что у фабриканта Генералова, изготавливавшего мясные продукты, "около кадок с немывыми свиными кишками... приготавливаются пастеты. На пастеты с потолка сыплется плесень..." А другие заставляют задуматься, а стоит ли плакаться, как делают иные деятели культуры, по ушедшей в прошлое "России Чехова". По крайней мере, сейчас у москвичей есть водопровод, а вот в 1880-е гг. им приходилось зависеть от водовозов и "часто сидеть без воды по три-четыре дня". Поменять поставщика было не так легко: подкупленные дворник и квартальный не пустили бы его в квартиру, "да и сам новый водовоз ни за что не согласится отбить хлеб у "собрата по перу": около "хвантала" (фонтана - М. Р.)... отколотят его за измену - таков устав у них" ("Осколки московской жизни").

Вообще, образ столицы у Чехова получается в целом тоскливый - хоть здесь калош и не потеряешь. "Одно время я жил на Немецкой улице, - вспоминает Вершинин в "Трех сестрах". - С Немецкой улицы я хаживал в Красные казармы. Там по пути угрюмый мост, под мостом вода шумит. Одинокому становится грустно на душе". Вспомним, что один из сборников его рассказов назывался "Хмурые люди". Сам писатель выражался лаконичнее: "чеховщина".

Храм вместо вертепа

Хотя... не все так грустно. Вот герой "Дамы с собачкой" (1899) возвращается домой с удовольствием: "Гуров был москвич, вернулся он... в хороший, морозный день и когда надел шубу и теплые перчатки и прошелся по Петровке... услышал звон колоколов, то недавняя поездка и места, в которых он был, утеряли для него все очарование". Да и провинциалке Юлии из повести "Три года" (1895) в большом шумном городе легче переживать впечатления от неудачного замужества: "Москва... развлекала ее: улицы, дома и церкви нравились ей очень, и если бы можно было ездить по Москве... целый день... она не чувствовала бы себя такой несчастной".

Чехов и сам не отказывал себе в удовольствиях, которые предоставляла Москва. Смолду полюбил рестораны, куда его затаскивали братья Александр и Николай. Писатель был завсегдатаем "Славянского базара" (ресторан и гостиница на Никольской, 17) и часто упоминал его в рассказах. В этой гостинице останавливается Анна из "Дамы с собачкой", когда приезжает к Гурову, там служил лакеем Николай Чикильдеев из повести "Мужики" (1897). В коридорах отеля он растерял здоровье и молодость и, вернувшись на старости лет в нищую, грязную деревню, глядит на золотой закат и думает с ностальгией: "Об эту пору в "Славянском базаре" обеда... " Есть смешной рассказ "У телефона" (1886): герой пытается позвонить в ресторан и заказать столик, а техническая новинка ("Сначала нужно эту штучку покрутить, потом эту штуку снять и приложить к уху... ") соединяет его то с квартирой доктора, то с какой-то лавкой. Позвониться удается, лишь когда герой догадывается попросить соединить его с другим рестораном - "с Эрмитажем"... что на Трубной площади".

Сейчас на месте "Славянского базара" Камерный оперный театр, а на месте "Эрмитажа" - "Школа современной пьесы". До чего символично, что значные места, воспетые знаменитым драматургом, превратились в театры! Чехов, как серебро, очищал все, к чему прикасался. На месте трущобы на Трубной, 23, где Чехов прожил несколько месяцев в 1880 г., сейчас букинистический магазин, названный в честь одной из его пьес.

"Всесильный бог деталей"

Так почему же мы так мало помним о чеховской Москве? Может, потому, что не принято у нас обращать внимание на всякие "обстоятельства места", упомянутые в произведениях. Это в Америке студентов-славистов спрашивают, "какой был вес у Вронского и какое значение это имело для сюжета "Анны Карениной". А у нас в школе (а ведь после школы Чехова мало кто читает!) литературу воспринимают скорее как иллюстрацию идей... Да и произведения, в которых упоминается

Москва, в основном лежат вне пределов школьной программы.

А может, потому, что сам Чехов не придавал географическим подробностям такого значения? Это не Толстой и не Достоевский, которые любили разворачивать перед читателем целые страницы описаний улиц и бульваров. Антона Павловича газетная работа приучила к лаконизму: одна-две говорящих детали, не больше. "... описания природы должны быть весьма кратки, - поучал он брата Александра в 1886 г., - надо хвататься за мелкие частности (...) у тебя получится лунная ночь, если ты напишешь, что на мельничной плотине яркой звездочкой мелькало стеклышко от разбитой бутылки". Одна ре-марочка: "на Тверской", "в Сокольниках" - вот и создается образ "чуда природы" под названием "чеховская Москва".